

НОБЕЛЕВСКИЕ ЛАУРЕАТЫ О БУДУЩЕМ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНОЙ РОЛИ ЕВРО

С момента возникновения проект создания единой европейской валюты евро стал предметом острых споров, затрагивавших самый широкий круг вопросов – от необходимости подобной валюты вообще до реализуемости столь амбициозного проекта и последствий введения евро, в частности. Введение этой валюты в наличный оборот с 1 января 2002 г. является поистине историческим событием, которое окажет существенное воздействие не только на процессы интеграции в рамках ЕС, но и на развитие международной валютно-финансовой системы в целом. С этой точки зрения заслуживают особого внимания оценки перспектив усиления роли евро как одной из ведущих международных валют, даваемые наиболее авторитетными теоретиками денежного обращения и международных валютных отношений, лауреатами Нобелевской премии по экономике М. Фридменом и Р. Манделлом.

Милтон Фридмен (р. 1912) – известный американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике (1976), автор работ по проблемам денежного обращения, последовательный сторонник либерализма, лидер монетаристского направления современной экономической теории. Нобелевская премия была присуждена М. Фридмену «за достижения в области анализа потребления, истории денежного обращения и разработки монетарной теории, а также за показ сложности стабилизационной политики».

В интервью французскому журналу *Commentaire*, опубликованному под заголовком «Инакомыслие», М. Фридмен отмечает, что в начале XXI в. перед США и Европой стоит проблема, от которой зависит качество их отношений – как сохранить динамизм либеральной экономики и присущую её функционированию индивидуальную ответственность, не допуская ее ослабления под воздействием обновленных форм этатизма (идеологии, рассматривающей государство как основной фактор экономического и социально-политического развития). Центральной проблемой для США и стран Западной Европы по-прежнему является чрезмерная роль государства в национальной экономике, единственное различие между ними состоит в масштабах государственного участия. Хотя доля государственных расходов в национальном доходе является недостаточным показателем роли государства в экономике, она может свидетельствовать о масштабах проблемы. В США эта доля составляет около 30%, в отдельных странах Европы приближается к 45%. Эти два показателя – 30 и 45% – отражают различия в уровне социализации экономики США и европейских стран и во многом объясняют разрыв в жизнеспособности экономики по обоим берегам Атлантики. Будущие отношения между США и Европой во многом будут зависеть от их способности заставить эволюционировать социализированные секторы их экономики, которые являются постоянным тормозом для усиления жизнеспособности общества и препятствием на пути развития действительного духа солидарности между членами общества. Цель общества, полагает М. Фридмен, заключается в том, чтобы «сохранять весьма хрупкий цветок индивидуальной свободы», и любое усиление государства угрожает этой свободе.

М. Фридмен не согласен с теми, кто обвиняет нынешний процесс глобализации в том, что он ведет к стандартизации мира и уничтожению разнообразия культур.

Напротив, полагает он, рыночная экономика способствует диверсификации, так как позволяет удовлетворять все более разнообразные вкусы потребителей. Между тем усиление государственного вмешательства в экономику приводит к фрагментации мира и разделению рынков. И создание реактивных самолетов, ЭВМ и спутниковой связи ничего не может изменить в процессе интернационализации, если не будет устранен этатизм.

По мнению М. Фридмена, такая большая страна, как США, должна осуществлять одностороннее таможенное разоружение, что послужит интересам не только всего мира, но и самих США. Однако следует признать очевидный факт – сегодня такое разоружение нереально, поэтому необходимо продолжать вести торговые переговоры о дальнейшем таможенном разоружении в рамках Всемирной торговой организации (ВТО). Огромный дефицит платежного баланса США по текущим операциям является следствием дефицита федерального бюджета, который создавал нехватку сбережений для финансирования частных инвестиций. В этих условиях США привлекали огромные объемы внешних капиталов, используя их для покрытия бюджетного дефицита. Внешний дефицит отражает также высокие курсы на биржах США (особенно акций, обращающихся на бирже высокотехнологических компаний НАСДАК), что также привлекало внешних инвесторов.

Хотя М. Фридмен по-прежнему сохраняет скептицизм в отношении долгосрочной жизнеспособности единой европейской валюты евро, он признает свою ошибку в оценке реализуемости политики введения евро. Кроме того, он выражает удовлетворение первыми шагами Европейского центрального банка (ЕЦБ), который является фактически независимым органом, поскольку в ЕС отсутствует центральная политическая власть. Это избавляет политику ЕЦБ от инфляционного давления, связанного с действием политических факторов. Снижение курса евро по отношению к доллару после введения новой валюты в 1999 г. не должно вызывать особого беспокойства, поскольку курс доллара явно завышен и в будущем неизбежно снизится. В происшедшем после 1999 г. снижении курса евро, вероятно, отражалось «фундаментальное сомнение рынка» в отношении самого проекта создания евро. Однако, как говорят в США, «совещание жюри еще не закончилось», и нужно подождать несколько лет, чтобы оно завершилось. Так, для центрального банка США – Федеральной резервной системы – момент истины наступил только в 1929 г., тогда как этот институт был создан в 1914 г. и до конца двадцатых годов, казалось, функционировал вполне удовлетворительно.

Что касается широко обсуждаемого вопроса о том, сможет ли евро составить конкуренцию доллару, то ответ на него, по мнению М. Фридмена, во многом зависит от того, что понимать под соперничеством валют. В настоящее время международные расчеты осуществляются в основном в долларах. Какие выгоды и потери вызывает это для США? Выгоды связаны с тем, что исполняемая долларом роль международной валюты вызывает потребность в дополнительной эмиссии долларов, что позволяет США получать доходы от этой эмиссии. Негативный эффект связан с неблагоприятными для США колебаниями обменных курсов доллара. Например, повышение курса доллара может вызвать удорожание американского экспорта. Если взвесить все как следует, подчеркивает М. Фридмен, то окажется, что для страны тот факт, что ее валюта играет роль международной валюты, не имеет особого значения. В первое время евро будет заменять в международном обороте, скорее, немецкую марку, а не доллар. В целом же будущая роль евро как международной валюты будет зависеть от качества кредитно-денежной политики США в гораздо большей степени, чем от других факторов. Сегодня эта политика «безупречна», но если она повторит свои прежние ошибки (1929–1933 гг. или 70-х годов), то бегство в евро неизбежно,

поскольку, как подчеркивалось выше, удивительная и беспрецедентная эволюция ЕЦБ, действующего в политическом вакууме, делает его неподверженным инфляционистскому давлению. К этой европейской новации (то есть отсутствию центральной власти, от которой зависел бы ЕЦБ) следует добавить и такой фактор, как поддержание режима плавающих валютных курсов. Возникает вопрос: как эти факторы повлияют на развитие международных валютных отношений в XXI веке? Однако, заключает М. Фридмен, нужно быть безрассудным или безответственным, чтобы сегодня делать прогнозы на этот счет.

М. Фридмен выступает против привязки национальной валюты к доллару или другой иностранной валюте, которая может осуществляться в двух основных формах: в форме введения режима валютного совета (currency board), как это было сделано в Аргентине, или в форме использования доллара во внутреннем обороте.

М. Фридмен отрицательно относится к политике Аргентины, которая приводит к потере национальной идентичности. К тому же жесткое следование кредитно-денежной политике США неизбежно вызывает глубокую депрессию, как это случилось в 1981–1982 гг. в Чили. Евро также рискует создать подобные проблемы. Более того, к этому могут добавиться и политические проблемы, поскольку валюта представляет собой важный символ суверенитета. Страна, которая хотела бы сохранить свою идентичность, нуждается в эмоциональных свидетельствах и символах своего существования. «Если бы я был французом, – заявил М. Фридмен, – я вряд ли испытывал бы гордость от исчезновения из моего словаря слова «франк». Именно поэтому замена национальной валюты (например, франка) единой «технократической и бездушной» денежной единицей, каковой является евро, не может вызывать особого энтузиазма.

Категорически выступает М. Фридмен и против создания всемирного правительства, что, по его мнению, означало бы «катастрофу с точки зрения как экономической эффективности, так и индивидуальной свободы и культурного богатства планеты». В политической области, как и на рынке, защита свободы личности обеспечивается разнообразием выбора. Автор выступает против роли жандарма, которую может играть США, и против бюрократического строительства в Европе единого органа власти, и против организаций типа МВФ или Всемирного банка, так как все это отражает различные аспекты эволюции к всемирному правительству. Основной причиной недавних финансовых кризисов в странах Юго-Восточной Азии является приверженность МВФ режиму управляемых валютных курсов, который, по рекомендации фонда, был введен в этих странах. И если эта приверженность сохранится, заключает М. Фридмен, то новые финансовые кризисы неизбежны.

Роберт Манделл (р. 1932 г.), известный специалист по проблемам развития международных валютно-финансовых отношений, лауреат Нобелевской премии по экономике (1999), в течение нескольких лет был советником МВФ, профессором экономики Чикагского университета (1966-1971), где возглавлял издание известного *Journal of Political Economy*; с 1974 г. – профессор Колумбийского университета (Нью-Йорк). Как отмечается в информационном сообщении Королевской Академии наук Швеции, Р. Манделл получил Нобелевскую премию по экономике за «анализ денежно-кредитной и бюджетной политики в условиях различных валютных режимов, а также за анализ оптимальных валютных зон». Теория оптимальной валютной зоны, которую сам Р. Манделл считает своей наибольшей заслугой в области экономической науки, сыграла важную роль в создании и функционировании экономического и валютного союза (ЭВС) ЕС, при анализе преимуществ и недостатков которого исследователи неизменно исходят из положений этой теории. Сам Р. Манделл, однако, полагает, что

ЭВС не является оптимальной валютной зоной, поскольку в рамках этого союза не обеспечивается полная межстрановая мобильность рабочей силы и капитала.

При анализе будущей роли единой валюты ЕС – евро как международной валюты Р. Манделл рекомендует исходить из того, что международный авторитет и сила той или иной валюты зависит от совокупности факторов, важнейшими из которых являются: размер (емкость) рынка соответствующей страны (или группы стран), проводимая в ней кредитно-денежная и валютная политика, отсутствие чрезмерного регулирования и злоупотреблений. При этом страна, слабая в военном отношении и не способная обеспечить свою оборону как во внутреннем, так и во внешнем плане, никогда не будет иметь сильной валюты. ЕС не обладает пока сильной центральной властью, хотя в Европе есть НАТО. В целом ЕС нуждается в дополнительной политической интеграции, которая в будущем неизбежно затронет и вопросы совместной обороны, что усилит международные позиции евро.

Стремление стран ЕС объединить свою задолженность в единый европейский долг, коллективно гарантируемый всеми странами зоны евро и выраженный в единой валюте, Р. Манделл считает весьма похвальным. В тот день, когда этот проект станет реальностью, в ЕС установится единая процентная ставка, ликвидность европейских рынков будет сравнима с ликвидностью американского рынка, а евро станет второй по значению валютой мира. Средний уровень колебаний обменных курсов доллара и евро не будет превышать 20%. Курс евро в отношении доллара начнет расти, когда темпы роста американской экономики начнут замедляться. Это замедление, подчеркивает Р. Манделл, тем более вероятно, что внешнеторговый дефицит и внешний долг США достигли гигантских размеров. Не исключено, что в будущем курс евро стабилизируется на уровне 1,15 или 1,20 доллара.

Сегодня рыночная дисциплина весьма несовершенна, так как на международном валютном рынке наблюдается «броуновское движение», объясняемое волатильностью (изменчивостью) этого рынка. Ежедневно на нем осуществляются сделки на сумму в более 1,5 трлн долл. Умножив эту цифру на 365 (количество дней в году), получим гигантскую сумму, во много раз превышающую годовой объем мировой торговли товарами и услугами и международного движения капиталов. Это значит, что 90% полученной суммы представляют собой результат чистой спекуляции, отражающей ожидания операторов рынка в отношении экономической политики той или иной страны. Сегодня многие эксперты задаются вопросом, как повлияет присутствие евро на эти спекулятивные игры. В принципе, считает Р. Манделл, введение евро должно привести к уменьшению масштабов спекуляции, представляющей собой расточительство ресурсов, объем которого сопоставим с объемом выгоды от снижения таможенных ставок в мировой торговле на 5-10%.

Хотя сегодня уровень инфляции в большинстве стран ОЭСР низок, Р. Манделл не исключает возврата инфляции к высоким показателям в течение ближайших 20 лет, поскольку нынешняя рыночная дисциплина, как отмечалось выше, недостаточно прочна. Слишком часто эта дисциплина опирается на «хорошее расположение духа» тех, кто проводит экономическую политику, а не на природу и требования самой системы, как это было в прошлом. Хотя сегодня в мире действуют такие институты, как «большая семерка», ОЭСР и др., Р. Манделл не придает им слишком большого значения как достаточно эффективным элементам системы мирового управления. По его мнению, истина состоит в следующем: в мире нет действительно международного порядка, и это является источником реальной опасности, связанной с возникновением шоков в той или иной части мира. В этой связи Р. Манделл напоминает свои предложения, высказанные еще в сентябре 1968 г. перед комиссией конгресса США и поддержанные в последующем некоторыми экономистами, о введении мировой

валюты, по крайней мере, в регионе экономически развитых стран мира. Конечно, такая валюта не будет обладать всеми атрибутами настоящей валюты, так как для этого необходимо создание мирового правительства, что пока невозможно хотя бы из-за наличия двух крупных валютных блоков (доллара и евро).

В то же время даже в отсутствие общей единицы платежа возможно создание единой (всемирной) стабильной единицы измерения, а также расчетной единицы, которая могла бы рассчитываться на основе «корзины», включающей несколько (но не более пяти) ведущих и наиболее стабильных валют мира. Такую валюту можно было бы назвать ИНТОР (INTOR – комбинация двух слов: international – международный и or – золото). Можно было бы использовать эту валютную единицу при заключении различных международных контрактов. Однако, подчеркивает Р. Манделл, США вряд ли согласятся на это, так как они не соглашаются на расчеты золотом, хотя золото до сих пор продолжает оставаться важнейшим элементом международной валютной системы. Несмотря на то, что роль золота в этой системе уменьшается и предусмотреть его будущую цену невозможно, оно никогда не покинет международную систему. При наличии единой расчетной валюты исчезнут валютнообменные рынки и издержки соответствующих валютных сделок, а международное движение капиталов будет связано только с реальными проектами.

Р. Манделл отрицательно относится к введению так называемого «налога Тобина» на валютные сделки с целью их ограничения. Он считает этот проект неосуществимым. Введение этого налога неизбежно вызовет массовое перемещение капиталов с одних рынков на другие. Чтобы иметь шансы на успех, этот налог должен применяться ко всем без исключения валютным сделкам и во всех странах мира. Кроме того, следовало бы решить, кто будет отвечать за сбор этого налога, какова будет его ставка, как будут использоваться доходы, каковы могут быть исключения и кто их будет разрешать и т.д. В отсутствие решений во всех названных областях введение предлагаемого налога вызовет «настоящий бедлам». Следует понять одно: нет «плохого» движения капиталов, есть только плохая международная валютная система. Именно она, подчеркивает Р. Манделл, в основном и определяет масштабы и направления международного движения капиталов, а не мотивации тех, кто перемещает свои авуары.

Литература:

1. FRIEDMAN M. Heterodoxie Commentaire. – P., 2001. – Vol. 23, № 92. – P. 763-778.
2. MUNDELL R. Demain, l'économie mondiale Politique intern. – P., 2000. – № 86.- P. 9-32.

Автор обзора – Л.А. Зубченко,
канд. экон. наук, ИНИОН РАН